

Николай Добролюбов

Новый кодекс русской практической мудрости

Николай Александрович Добролюбов

Новый кодекс русской практической мудрости

Книжка Ефима Дыммана, сотрудника «Петербургских полицейских ведомостей», для Добролюбова превосходный «саморазоблачительный» сатирический материал. «Глупейшую книгу», по мысли Добролюбова, следовало подвергнуть дотошному разбору, потому что она наивно-прямолинейно выражала господствовавшую в обществе «благонамеренную» мораль. Критик использует излюбленный полемический прием: в его иронической подаче житейская мудрость «искаательства и угождения» открывает свое истинное лицо. Добролюбов превратил рецензию в проповедь революционной нравственности. Он уточняет в ней основное положение революционной морали шестидесятников, получившей позднее название «теории разумного эгоизма»: «Почувствуйте только как следует права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самым неприметным и естественным образом придете к кровной вражде с общественной неправдой...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0045

**Николай Александрович
Добролюбов
Новый кодекс русской
практической мудрости**

(Наука жизни, или Как молодому человеку жить на свете. Ефима Дыммана. СПб., 1859)

Время от времени являются у нас мудрецы, желающие быть руководителями молодых людей на жизненном поприще. Большею частью это бывают люди, искушенные долгим опытом жизни и оттого смотрящие на все несколько мрачно. Иные доходят даже до того, что вместо всяких советов предписывают только угрозы и побои. Таков, например, долженствующий быть знаменитым г. Миллер-Красовский (о котором мы говорим в этой же книжке)[1], полагающий всю надежду воспитания в *пощечинах*. Но не таков г. Ефим Дымман, составивший «Науку жизни». Его направление очень мягко и благодушно. О детях, например, он говорит следующее:

Телесно детей никогда не наказывать, в отвращение грубых чувств упрямства и ожесточения. Какова бы ни была вина детей, не делать из того ни шума, ни криминала, никогда на них не кричать, а вразумлять их всегда с ласкою, толкуя им тихо и ясно, как поступок их вреден и какие из того могут выйти дурные последствия (стр. 326).

Вы уже чувствуете расположение к автору за такую гуманность и думаете, что г. Дымман далеко ушел от теорий г. Миллер-Красовского. С точки зрения г. Миллер-Красовского, подобные мысли должны представляться безумными и отчаянно либеральными. Как! Не бить детей! Не кричать на них!! Вразумлять их!! Толковать им о вредных последствиях, какие может иметь их поступок!!! Что может быть ужаснее для верного *рыцаря трех пощечин*? Какое преступление может более этого возмутить его? Наверно, г. Миллер-Красовский скажет о г. Дыммане, что он «не заглядывал в жизнь и силен одними кабинетскими теориями»; наверное, сочтет его последователем «руссовских плевел филантропизма».[2]

Но формы, в которых проявляется житейская философия, могут быть очень разнообразны, несколько не изменяя тем ее существенного характера. Прочитав «Науку жизни», мы увидим, что Ефим Дымман, в сущности, не менее кого другого уважает молчалинскую теорию умеренности и аккуратности; безусловное повиновение он любит не менее,

чем сам рыцарь *трех пощечин*. Но склад ума г. Ефима Дыммана более дипломатический, и оттого правила, предписываемые им, никогда не имеют такого жестокого характера и даже в грамматическом отношении не столь ужасны, как «Основные законы воспитания» г. Миллер-Красовского, восхищающегося своими *тремя пощечинами*. Г-н Ефим Дымман отличается чрезвычайным житейским благоразумием и такую гибкостью ума и совести, какой может позавидовать любой дипломат. Вот отчего и происходит видимое различие его советов от предписаний мудрецов, подобных г. Миллер-Красовскому. Но по самой ловкости изложения «Наука жизни» заслуживает того, чтобы на нее обратить серьезное внимание. В ней возведено в систему то, что у нас обыкновенно делается бессознательно; она представляет кодекс принятой ныне житейской нравственности. С этой точки зрения она очень любопытна, и мы считаем нелишним рассмотреть ее с некоторой подробностью.

Автор «Науки жизни», как открывается из разных мест книги, служил прежде в военной

службе; дошел до степеней известных, соделался старцем, был женат, но теперь живет одиноко, имея в доме четырех человек: пожилую женщину, вроде ключницы, кучера, повара и лакея, которые беспрестанно между собою ссорятся и *просят расчета* у автора (стр. 243). Но г. Ефим Дымман и с этими беспокойными людьми умеет ладить так же хорошо, как он ладит со всеми на свете, и в этом-то уменье со всеми ладить заключается его искусство общежития, которое хочет он передать молодым людям.

«Наука жизни» заключает в себе именно правила о том, как ужиться с людьми, приобрести общее уважение и нажить состояние. По благожелательности и по доброте своего сердца автор заботится о мире, тишине и общем благополучии; но опыт жизни, соделав его Талейраном, научил его не предаваться движениям своего сердца. «Прежде всего, – советует он юноше, – сделай себе всегдашним правилом: никогда не предаваться своему первому движению как в отношении людей, так и во всех твоих делах» (стр. 235). Вы знаете, что и Талейран говорил то же самое, при-

бавляя только резон: «*потому*, что первое движение всегда хорошо». Кажется, что и г. Ефим Дымман имеет ту же тайную мысль; но он не так прост, чтобы высказать ее прямо: опыт жизни научил его быть осторожнее и хитрее Талейрана. Вследствие того он и не говорит иначе, как языком дипломатическим. Юноши, которые будут читать «Науку жизни», непременно должны иметь это в виду. Для того чтобы лучше понять ее, они могут даже составить небольшой объяснительный словарь употребительнейших в ней слов. Например, *лицемерие* в «Науке жизни» изображается постоянно под видом *вежливости*, *подлость* – под именами *угождения* и *искаательства*, *мошенничество* называется *ловкостью*, *подозрительность* и *малодушие* – *осторожностью*, *кража* всех видов – *пользованием обстоятельствами*, *шарлатанство* – *сноровкой*, и пр. И все это пересыпается, само собою разумеется, беспрестанными громкими воззваниями о честности, добросовестности, братолюбии, помощи несчастным и т. п. Словом, вся книжка составлена чрезвычайно дипломатически. Рассмотрим же сущность ее

содержания, имея в виду сделанную нами оговорку относительно фразеологии автора.

Целию жизни поставляет г. Дымман приобретение житейского благополучия, то есть общего почета, обеспеченного состояния и долговечности. Средства для этой цели предписываются самые практические и притом такого свойства, что, по мнению самого автора, «для человека слабого духом могут показаться трудными». «Но, – продолжает он, – зато они верны и действительны, и мы с ними совершим дело чудное: приобретем любовь людей, повелителей мира; *честным образом* обеспечим себя состоянием и будем здоровы, счастливы и долговечны. А из благодарности ко всевышнему, даровавшему нам эти средства, будем помогать неимущим и слабым, защищать правого и невинного, и стяжаем имя людей добрых, честных и благоразумных» (стр. 344). Этими словами оканчивает автор свою книгу, и вы видите, что он хлопочет о добре и честности. Слушайте его, и вы будете долговечны, богаты и всеми уважаемы, оставаясь честным человеком. Автор уверен в этом, и, как нам кажется, не напрасно. С пол-

ным и горячим убеждением (хотя несколько и витиевато) говорит он в начале книги: «Прежде приступа к нашему делу, весьма серьезному и очень далекому от всякого пустословия и от всякого сцепления забавных, скуки ради, приключений, скажу я тебе, юноша, что ни в чем так свято и положительно не уверен я, как в пользе и добре, приносимых мною в дань прекрасному нашему юношеству этою книгою; что ни над чем не трудился я с таким душевным посвящением, как над нею, и что ничего в жизни пламеннее не желаю я, как того, чтобы юное наше поколение вполне ею воспользовалось» (стр. 13). Мы не станем до времени выражать нашего мнения о том, желательно ли, чтобы в самом деле кто-нибудь воспользовался правилами г. Ефима Дыммана. Но мы смело можем сказать, что кто принимает конечную цель автора – всеобщее уважение и обеспеченное состояние, тот найдет в его книге много практически полезных советов, очень ловко примененных к духу современного нашего общества. Представим некоторые из них нашим читателям и потом посмотрим, какое значение могут

иметь они в русской жизни, между русскими людьми, поставленными так, как они поставлены при современном нашем общественном устройстве.

Прежде всего заметим, что г. Дымман имеет в виду людей не обеспеченных и независимых, а таких, которые должны чего-нибудь добиться в жизни. Поэтому он очень сильно напирает на необходимость людям трудиться, сберегать свои силы, не пьянствовать, не восставать против начальства, не верить ворожеям и сновидениям, не буйствовать, не предаваться неумеренно ласкам женщин и пр. Нельзя не согласиться, что все подобные советы очень благоразумны, с какой хотите точки зрения. Выражает их автор очень сильно и подтверждает примерами еще более сильными. Например, вот что говорит он о ласках женщин:

Я был очевидцем, как один здоровый молодой человек, предавшись неумеренно ласкам женщин (чему был очевидцем г. Ефим Дымман!!!), без малейшего страданья вдруг почувствовал бессилие и ослабление памяти, возрас-

тавшие всякую минуту, в такой степени, что на другой день он не мог даже припомнить слов к разговору, а на третий уже его не было в живых (стр. 340).

Видите – как скоро!.. Есть нравоучительная книжка: «Сорок лет пьяной жизни»;[3] так в той вред пьянства доказывается тем, что человек, пьянствовавший *сорок лет*, наконец сгорел... А у г. Ефима Дыммана – как только человек предался неумеренно ласкам женщин, так на другой же день память потерял, а на третий уж и богу душу отдал... Пример, в самом деле, поразительный!..

Но, кроме отрицательных советов, г. Дымман дает юноше и положительные правила. Сущность их заключается, как он сам говорит, «в трех главнейших откровениях – *угождении, умеренности и труде*» (стр. 287). Все три должны быть тесно связаны в жизни и одно другому помогать. Трудиться должен человек, угождая другим, чтобы достигнуть цели своих стремлений; но в стремлениях всегда должен быть *умерен*. Мир и жизнь, по мнению автора, превосходны. «Какова

участь, каков удел человека на земле! – восклицает он. – Целый мир, вся планета, вся земля дана ему на его пользу, для его наслаждения, для его счастья. Наша жизнь есть радостнейшая, прелестнейшая жизнь, и целый мир даровал нам господь на услаждение ее» (стр. 132). Надобно только не искать невозможного, довольствоваться тем, что есть, и не идти против людей, наших братьев, обладателей мира. «Не слушай неблагоразумных, – советует г. Дымман, – которые корчат молодца против начальства, против существующего порядка. Каков бы ни был этот порядок, но, как установление людское, он совершенным быть не может никогда; равным образом – с постепенным просвещением и устройством самого гражданского общества и он не может не улучшаться» (стр. 112). Не правда ли, что совет г. Дыммана очень практичен и вполне согласен с теориею угождения и умеренности?

С тою же последовательностью своим началам г. Дымман рассуждает и о труде. Он признает труд полезным для здоровья и, кроме того, велит заботиться об исполнении вся-

кой, даже самой ничтожной обязанности, *потому* что «нет такой маловажной должности, в которой неумолимо, всегдашнюю деятельность нельзя бы было не обратить на себя внимания и милостей начальства, а за труды не получить награды и повышения» (стр. 118). Впрочем, убиваться над работой, заботясь о пользе самого дела, г. Дымман не заставляет. Напротив, он дает такие советы: «Дела исполняй всегда открыто, торжественно, сохраняя все временем принятые обряды; это налагает на исполнителей (что?) и удерживает их в строгом порядке. Держись крепко формальности, – она часто наводит на важные обстоятельства и указывает ход делу. *Ничего не делай на словах*, а все дела должны быть ясно изложены на бумаге и облечены в законную форму крайне необходимую для справок» (стр. 273).

Вообще как во всех своих рассуждениях, так и в самых советах относительно труда г. Дымман является, так сказать, квиетистом. Он сознает, например, что правда почтенна, что добро делать следует, что трудиться надобно честно, и т. п. Но, поставив себе целью

искусное общежитие, он признает благоразумным и необходимым делать уступки принятым в обществе требованиям, плыть по течению, не покушаться ни на какие перемены. «Правда есть свет яснее солнца, совершенство, свойство божества! Сладка жертва, приносимая правде, и сладко отстоять ее!» – восклицает г. Ефим Дымман и тут же прибавляет: «но с правдой, как с бритвой, надобно обходиться осторожно; в противном случае она зарежет». По мнению г. Дыммана, человек, как существо разумное, должен стремиться к правде; но, как существо ограниченное, слабое, должен к ней стремиться только тогда, когда это у *места* и *кстати*; во многих же случаях надобно «укротить свой крик против неправды и держать язык за зубами» (стр. 156–157).

Как видите, у г. Дыммана все добрые стремления признаются, но только в той мере, в какой они могут достигаться без малейшего расстройтва заведенного порядка. Как скоро моя правда или честность могут кого-нибудь задеть или мне самому послужить помехою в моих делишках, я волен отказать-

ся от своей правды, и не только волен, но даже должен, если хочу показаться г. Дымману неглупым человеком. По его соображениям, очень логическим, ясно выходит, что умным человеком нужно считать только того, кто умеет нажить состояние. Вот слова г. Дыммана (стр. 177):

Можно ли удивляться, когда люди, проведая, что у кого-нибудь есть много средств к жизни (денег), хотя бы без всякой надежды получить из них и самомалейшую частицу, низко тому кланяются и оказывают величайшее уважение? Не только невозможно, но по самой строгой справедливости нельзя не уважать того, у кого много средств к жизни, потому что если он приобрел эти средства, или, лучше сказать, этих свидетелей ума, сам, то нет сомнения, что он человек умный, а умных людей должно уважать. Если же эти средства к жизни он не сам приобрел, а получил их по наследству, то из уважения как к его умному деду или прадеду, их приобретшим, так равно и к самым этим, в его распоряжении находящимся средствам, нель-

зя не уважать его.

Чрезвычайно много есть людей, пользующихся в свете репутациею умных, которые, пройдя поприще своей жизни, живут в большой бедности, то есть без средств к жизни. В великость ума этих людей я верить не могу как потому, что истинно умный человек должен скорее и ловче найтись к приобретению средств в жизни как самой необходимейшей потребности к существованию, чем глупый, так и оттого, что гораздо легче прослыть в свете глупому – умным, чем честным образом (!) нажить состояние: только ловко пусти людям пыль в глаза, то они тебя и запишут в умницы, ибо им это ничего не стоит; но чтобы от них получить средства к жизни, то надобно по крайней мере пустить им пыль в глаза золотую. Я сам не богат именно оттого только, что во время моей деятельной жизни не довольно был сметлив.

Автор «Науки жизни» хлопочет, однако же, о том, чтобы нажить состояние не иначе, как честным образом. Взятничество, каз-

нокрадство, грабеж, делание фальшивой монеты – он признает деяниями преступными и низкими. Но что же он понимает под *честным* наживанием состояния? Опять ту же угодливость, умеренность и аккуратность. Он говорит, что «хитрое поле житейское мы должны пройти в полной и непосредственной зависимости от людей, наших непостижимых братьев, и *непрерменно* по их кодексу, называемому общежитием... Это хитрое общежитие, базис нашей жизни, есть *тончайшее*, какое только мог придумать людской ум, *поведение человека* в отношении его к людям всех сословий и состояний» (стр. 189). Понимаете ли дипломатику науки жизни, по г. Ефиму Дымману: грабеж и взятки – довольно грубые средства обогащения, и потому они не приняты в общежитии, которое состоит в *тончайшем поведении*. Именно этому *тончайшему* поведению тончайшим образом и учит г. Дымман. Вот некоторые черты его.

При первой встрече с незнакомым человеком всегда нужно смотреть, не переодетый ли это разбойник или неблагонамеренный фискал. Это правило выражено у г. Дыммана на

Вмени себе в неизменный закон при первом знакомстве с каким бы то ни было человеком тотчас спросить себя самого и следить внимательно о том, точно ли тот, кем он называется и кого собою представляет: может быть, это переодетый мошенник, плут, разбойник, неблагонамеренный фискал, который хочет от тебя что-нибудь выведать и вовлечь в худое дело, обыграть, или обворовать, или иным каким-нибудь образом сделать тебе несчастье.

И не только с незнакомыми, но и вообще с людьми надобно быть крайне осторожным:

Будь всегда как можно более осторожным с людьми и во всех делах. Но более всего надобно осторожности в словах: никогда ни с кем не говори о политике и не рассуждай о правительстве; это самый опасный разговор; в нем могут представить твои слова совсем в другом виде и оклеветать тебя, и чрез то одним разом можешь ты безвинно потерять все и даже самую жизнь (стр. 239).

В служебной деятельности г. Дымман предписывает – в одну сторону покорность, в другую – строгость:

В отправлении своей обязанности беспрестанно помни, и всегда над ними трудись, два главных обстоятельства: 1) безусловно угождать своему начальству и 2) держать всех подчиненных в порядке и повиновении. Для этого первым твоим долгом будет узнать в точности и подробнейшим образом все свое начальство, порознь каждого: их методу по службе, характер, правила, образ мыслей, их слабости, семейную жизнь и связи. Потом, каково бы ни было твое начальство, хорошо или худо, должен ты, соображаясь с обстоятельствами, действовать так, чтобы всенепременно снискать его доброе к себе расположение, потому что если начальство тебя не жалует или имеет об тебе дурное мнение, то твоя служба пропала, хотя бы ты был гением своего дела и исполнял его наилучшим образом. Более всего в этом случае надобно ладить с окружающими твоих начальников, потому что хотя и можно вре-

менно приобрести милостивое расположение начальника без их пособия, но при малейшем их к тебе неблагоприятстве, как бы начальник твой ни был совершен, правдив и строг, они непременно найдут случай его против тебя вооружить.

С подчиненными г. Дымман советует обходиться ласково и справедливо, но только не позволять им непокорности:

«Если в ком-нибудь из твоих подчиненных заметишь ты хотя малейшую тень непокорности, неблагоприятия или невнимания к твоей власти, то следи за всеми его действиями особенно и неупустительно всякую минуту». Если он тотчас раскается, то на первый раз можно простить его и только продолжать следить за ним. Но, «несмотря ни на какую личину преданности, если ты заметишь за твоим подчиненным самое малейшее недоброжелательство или непокорность в другой раз, то представь об нем начальству как о человеке неблагоприятном и для службы вредном» (стр. 268).

Заботливость г. Дыммана о юноше не ограничивается общественной его деятельностью, а проникает и в жизнь семейную: он дает наставления относительно женитьбы. Нельзя не поблагодарить его за те золотые правила, которые предписывает он молодым людям. Женись, говорит, никак не ранее 35 лет, «потому что, женившись моложе (например, 34 лет), мог бы ты иметь пятнадцать и более детей, что составило бы тебе тяжкое обременение» (стр. 306). «Выбирая жену, советуйся с людьми почтенными». Если ты беден, то не женись на девушке без приданого: это есть «злодейство хуже разбоя, криминал, непростительное малодушие» (стр. 301). Но всего драгоценнее в этом отношении глава под названием: «Спасайся!» В ней заключается следующее мудрое правило; «Случится с тобою, молодой читатель, что какая-нибудь девица прельстит тебя при первой твоей с нею встрече или что та, к которой ты был сначала равнодушен, начинает нечувствительным образом тебе нравиться, случится непременно, и не один раз».

Что же делать в таком случае? – «Спасайся!» – восклицает г. Дымман. «От девицы, начинающей тебе нравиться, на которой ты по благоразумию жениться не можешь (а по г. Дымману ранее 35 лет всякому неблагодарно жениться, значит, совет относится ко всем случаям подобного рода, бывающим со всеми молодыми людьми), нет другого способа спастись, как только от нее бежать и никогда с нею не встречаться». «Спасайся, спасайся, – повторяет автор, – уйди из того дома и никогда в него более ни ногой» (стр. 304–305). Истинно благодетельные наставления! Советую вам, читатель, принять их безусловно. По крайней мере, что касается до меня, то я до 35 лет намерен ими постоянно руководствоваться. Я буду спасаться и спасаться от девиц, которые мне станут нравиться. Иначе – шутка ли! – я могу, пожалуй, иметь к 35 годам «пятнадцать или более детей», что действительно составит для меня немалое обременение!

Но всего лучше в книге г. Ефима Дыммана те места, где он говорит об искательстве и

угождении. Тут он возвышается до самого восторженного пафоса:

Угожденье, угожденье! (так восклицает г. Ефим Дымман). Божественный дар, небесный отвод всех неудач и препятствий, нектар от жажды, небесная манна от голода, всесильное оружие, равно побеждающее и сильного и слабого, и доброго и злого, для которого нет ни врага, ни мстителя!

Вот в чем, юноша, заключается средство самое вернейшее из всех, ключ, свет, истинный генерал-бас науки жизни. Крепко и долго подумай над ним; и если ты будешь в состоянии вполне его постигнуть и вполне им воспользоваться, то в преуспевании твоём я тебе поручаю (стр. 214).

И вслед за тем автор начинает излагать известную мораль из «Горя от ума»:

Во-первых, угождай всем людям без изъятья, и пр.

В переложении г. Дыммана она представляет такой вид:

Угождать надобно начальнику и под-

чиненному, сильному и слабому, умному и глупому, тому, с кем делаешь дела и с кем, может быть, более не встретишься, своему слуге, мужику, всем и каждому, – в том святом убеждении, что в каждом человеке, каков бы он ни был, лучше припасти для себя доброе расположение, чем ненависть. Врагам своим нужно угождать вдвое, чтобы их превратить в своих друзей.

Ты будешь в отношениях, а может быть, и в зависимости у гордеца, обнаруживающего к тебе, в присутствии всех, явное презрение; у недоброжелателя, надрывающегося на твою пагубу; у завистливого, который будет сохнуть от твоих удач; у чудака, упорствующего в самых безумных и вреднейших суждениях и поступках; одним словом, у людей, переполненных такими чудовищными, уродливыми и даже иногда злодейскими влечениями (к счастью, такие люди довольно редки), что они тебя сначала поразят и отнимут у тебя к угождению им всякую надежду; но ты бодрости духа не теряй и к принятию от таких людей

всевозможных неприятностей *приготовь и предрасположи себя заблаговременно и решительно, на тот конец, чтобы никакое зло, как уже предвиденное, не могло тебя поразить. Потом дай с твердостью самому себе такой обет: «Чем злее человек и его действие, тем более я должен изыскать мер и приложить старания к тому, чтобы заслужить его к себе доброе расположение непременно и тем отвратить от себя всякий могущий произойти от его злости вред». Наконец, вмени своему самолюбию в торжество и славу – снискать расположение к себе именно того, кому наитруднее угодить (стр. 215).*

Вы скажете, что такое угождение людям негодным, даже злодеям, необходимо должно переходить в подличанье, должно соединяться с полным отсутствием в человеке совести и чести. Вы готовы осудить г. Дыммана как проповедника безнравственности... Но не будьте слишком торопливы: г. Дымман спешит предупредить вас. Он сам не менее вас ненавидит обман и подлость и вследствие того вот как объясняется с юношею относительно-

но правил общежития:

Боюсь я, чтобы ты, юноша, будучи, может быть, очень юным, этого всеми принятого общежития не понял превратно и не подумал, что надобно сделаться обманщиком или коварным лицемером. Нет, это две вещи совершенно разные. Для лучшего твоего уразумения привожу тебе пример: встречаешь ты, положим, отъявленного недоброжелателя и во всем дурного человека, но вместе с тем, по его отношениям, и степени, на которой он стоит, человека сильного; то, вместо того, чтобы обнаружить к нему явную ненависть и отвернуться от него, ты должен, не показывая к нему ни малейшего нерасположения, обойтись с ним учтиво и вежливо. Это есть общежитие. Бесстыдные же и бесчестные – обман и коварство суть слишком известные пороки, чтобы им приводить примеры (стр. 190).

Ясно ли? От вас требуется только *общежитие*; а бесчестных поступков вам вовсе не предписывают. И отчего же не признать благородными и добродетельными, например,

следующих поступков, предписываемых юношам г. Ефимом Дымманом:

Для вернейшего пользования обворожительным вниманием советую тебе, юноша, завести, непременно завести книгу, в которую должен ты вписывать, по алфавитному порядку, имена и отчества всех твоих начальников, товарищей и знакомых на тот конец, чтобы, перечитывая их от времени до времени, мог ты каждого называть по имени и отчеству, что с твоей стороны будет очень учтиво и внимательно, а для тех, которых ты будешь так величать, чрезвычайно приятно. Сверх того, знание имен и отчеств будет тебя часто выводить из затруднения при надобности писать письма к старым своим знакомым, которых долго не видал.

Пример. Обедаешь ты у знатного лица, и за столом, в общем разговоре, какой-нибудь значительный человек, с которым ты никогда не имел и не имеешь прямых сношений и сам не знаешь его имени и отчества, вдруг при всех называет тебя, человека малознающего, по имени и отчеству. Вообра-

зи себе это живо, и ты поймешь, как было бы оно лестно и приятно для твоего благородного самолюбия (стр. 225).

В сношениях с людьми нужными и даже ненужными г. Дымман советует постоянно похваливать их, так как похвала никогда ничего не испортит и так как нет человека, у которого не было бы чего-нибудь стоящего похвалы:

Не опасайся, чтобы кто-нибудь мог тем обидеться, и будь уверен, что как бы кто твои похвалы ни принимал, но последствия всегда выйдут одни и те же, то есть что он к тебе будет расположен наилучшим образом. К этому еще надобно добавить, что если бы ты в беседе с кем-нибудь не находил предмета к разговору, то начинай смело хвалить его самого или его одежду, экипажи, лошадей, дом и все, что у него знаешь хорошего. Разговор, начатый таким образом, всякий станет продолжать охотно и всегда за него будет к тебе признателен. Такова человеческая природа! (стр. 254).

Кроме похвалы, г. Дымман советует пус-

кать в дело и *корысть*, то есть невинным образом подкупать значительных людей:

В знакомствах и отношениях с людьми значительными можно с умом и ловкостью употреблять самую ничтожную корысть с успехом, например: приноровить кстати приятный сюрприз их детям, поднести им какую-нибудь безделку нового изобретения, проиграть самые незначительные деньги в коммерческую игру, и другими подобными угождениями можно снискать расположение самого бескорыстного человека (стр. 252).

Такое практическое правило выведено г. Дымманом из того наблюдения, что, «к несчастью, теперь корысть сделалась сильнейшим двигателем всего человеческого рода» (стр. 252).

То же самое замечает г. Ефим Дымман и относительно гордости. Порок этот он считает «до того безумным, отвратительным и неприличным человеку, что так и хочется сказать гордецу: надменный, надутый гордец! к чему ты гордишься? вразумись, заблудший...» и пр. (стр. 247). Однако же юноше г.

Дымман не советует так отделять гордецов, а дает такое правило: «А гордцами смело повелевай *одним угождением*; им же угождать не трудно: знай щедро *перед ними рассыпай* пустую похвалу, и сделаешь из них, что тебе угодно» (стр. 248).

Но довольно, кажется. Вы познакомились, читатель, с «Наукою жизни» и, конечно, исполнились уже благородного негодования к ее правилам. Вы находите, что они безнравственны, что иезуитство и макиавеллизм их возмутительны для честного человека, для которого дороги убеждения, что житейская дипломатия «Науки жизни», в сущности, есть не что иное, как последняя степень нравственного и умственного растления... Воспламеняясь благородными чувствами, вы начинаете смотреть на автора «Науки и жизни» как на что-то исключительное, чудовищное, долженствующее пугать людей; вы полагаете, что теории его так дики, что никого не заразят; вы даже свысока удивляетесь, зачем мы так долго останавливаем ваше внимание на такой ничтожной брошюре безвестного автора, не имеющего ничего общего с современ-

ными стремлениями нашего общества... Но успокойтесь, читатель, вникните в дело хладнокровно и примите, пожалуйста, во внимание несколько *обстоятельств*, которые мы вам сейчас изложим.

Мы сами с первого раза возмутились было бесцеремонными советами г. Дыммана и готовы были счесть его человеком отсталым, явлением исключительным в нашем обществе, которое так быстро идет по пути прогресса. По после некоторого размышления мы решительно переменили свой взгляд. Действительно, говоря отвлеченно, нельзя не признать вполне справедливым то негодование, которое человек, смотрящий со стороны, должен почувствовать к теориям г. Дыммана. Но в том-то и дело, – имеем ли мы право поставить себя совершенно в стороне от этих теорий. Что касается до нас, то мы готовы признаться (как это ни горько), что в деле нравственности общественной мы не решаемся считать себя совершенно чистыми от последования советам г. Ефима Дыммана. Такое признание, конечно, вызовет у вас презрительную улыбку. Но не торопитесь: мы в

своих недостатках признаемся так смело потому ведь только, что уверены и в вас найти те же самые... Да, читатель, кто бы вы ни были, но ежели только вы живете и действуете среди современного русского общества, то я смело говорю, что вы не можете стоять слишком высоко над «Наукою жизни» г. Ефима Дыммана. Скажите, что вас возмущает в ней? То, что человек, по-видимому, понимающий и уважающий правду и добро, сознательно приносит их в жертву житейским выгодам? Да кто же из нас этого не делает? Кто же из нас беззаветно и всецело отдается своим чистым стремлениям, не оглядываясь назад, не увлекаясь соблазнами мира, не боясь ни гонений, ни пытки, ни смерти? Где этот рыцарь без страха и упрека, где этот человек не от мира сего?

Где ты? Откликнись! Нет ответа...[4]

Все мы, проходя разные науки, набрались более или менее разных идей о правде и добре, все мы более или менее проникнуты святыми и высокими стремлениями, сочувству-

ем общественным интересам. Но ведь все то же самое есть и в г. Дыммане: и он говорит о правде и честности, и он советует заботиться о своих ближних, даже о подчиненных и слугах. «Делай добро всегда, когда это не составит для тебя никакого неудобства; будь честен и правдив постоянно, когда это нисколько не нарушает твоего комфорта», – это правило проникает собою всю книгу г. Дыммана, и... оно же постоянно выражается в жизни каждого из нас. Мы только не имеем добросовестности признаться в этом – ни другим, ни даже себе самим. А разве, например, я или вы, читатель, не соблюдаем той *осторожности в словах*, о которой говорит г. Дымман на стр. 239 (см. выше)? Разве мы не встречаем беспрестанно в обществе людей, которых признаем дурными и вредными, и разве мы с ними не обходимся *вежливо* вместо изъявления им прямо своего нерасположения? Разве не оказываем уважения деньгам, оправдывая на практике умозрения г. Дыммана? Разве не смеемся вместе с ним над «какой-то девственной совестливостью или, лучше, малодушьем» тех людей, которые ничего и ни в

ком не умеют *снискать* себе?.. Разве мы не ищем расположения начальства, не радуемся вниманию значительного лица, не бежим от женитьбы на бедной девушке, не желаем приобрести капиталец? Не называем ли мы утопистами, мечтателями, сумасбродами тех, кто толкует о счастье в хижине, о верховной силе истины в мире, всеобщем братстве, об уничтожении всех искусственных преград, всех давящих и озлобляющих отношений между людьми? Будем же последовательны, сделаем простой силлогизм из следующих положений, неизбежно представляющихся нашему вниманию.

Человеку нужно счастье, он имеет право на него, должен добиваться его во что бы то ни стало.

Счастье, – в чем бы оно ни состояло применительно к каждому человеку порознь, – возможно только при удовлетворении первых материальных потребностей человека, при обеспеченности его нынешнего положения.

При современном устройстве и направлении общества не может достигнуть обеспеченности, не может и думать о достижении

счастья тот, кто будет во всем, постоянно и неуклонно, следовать своим высоким стремлениям, ни разу не уступит обычаю и силе, не затаит своей правды. Известно, что такого человека не терпят в обществе и не дают ему ходу, как беспокойному и опасному вольнодумцу.

Согласны вы принять эти три положения? Или, может быть, вы скажете, что наше современное общество уже дает полный простор честным людям, – что у них уже не может теперь оставаться за душой невысказанной мысли, не может встретить помехи задуманное предприятие? Неужели вы решитесь сказать это? В таком случае не много же имеете вы за душою честных убеждений!..

Итак, я полагаю, что вы принимаете все три положения, указанные выше. Что же из них следует? По моему мнению, вывод нетруден для человека, действительно уважающего правду и в самом деле желающего общего блага. Если настоящие общественные отношения несогласны с требованиями высшей справедливости и не удовлетворяют стремлениям к счастью, сознаваемым вами, – то, ка-

жется, ясно, что требуется коренное изменение этих отношений. Сомнения тут никакого не может быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явлением ненормальным, болезненным, уродливым и не подражать его уродству, а, напротив, громко и прямо говорить о нем, проповедывать необходимость радикального лечения, серьезной операции. Почувствуйте только как следует права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самым неприметным и естественным образом придете к кровной вражде с общественной неправдой... Тогда-то, и только тогда, можете вы с полным правом считать себя честным человеком, и вам уже возможно будет отвергать темные сделки с ложью и неправую силу...

Но вы не чувствуете в себе довольно сил для того, чтобы восстать против целого общества? Ведь вы одни, а этих людей, с которыми нужно бороться, так много, и они так сильны!.. Страшно даже вообразить себя в открытой борьбе с ними! И что тут сделаешь? «Один в поле не воин; исторический прогресс, торжество правды и света совершается

трудно и медленно...» Если так, то нечего нам и говорить с вами: идите за «Наукою жизни» г. Ефима Дыммана. Ведь и в ней толкуется (вы это видели), что не нужно восставать против заведенных порядков: со временем они сами собою улучшатся, а до тех пор надобно пользоваться тем, что есть. Ведь и г. Дымман пришел к своей практической мудрости именно вследствие той основной мысли, что «света нам не переделать, а с волками жить, так надо по-волчьи и выть». Ступайте же за г. Дымманом, признайте его своим учителем и вождем; мы не бросим в вас камня, как и в него не бросаем. Но только будьте добросовестны: идя за своим наставником, не прикидывайтесь людьми непоколебимых убеждений, не щеголяйте презрением к практической мудрости, излагаемой в «Науке жизни». Вы можете кричать против взяток, против угнетения, против обмана, телесного наказания, и пр. и пр. Всем этим вы недалеко уйдете от г. Дыммана, и у него есть советы: не брать взяток, не драться, не отдавать денег в рост, не делать грубости подчиненным и т. п. И все это не мешает ему проповедывать *умеренность* и *угод-*

ливость. Вы можете считать это безнравственным и бесчестным, сколько вам угодно; но всмотритесь пристальнее в собственное поведение, и вы увидите, что на практике вы беспрестанно делаете именно то, что советует «Наука жизни». Не что иное, как молчалинская умеренность вызывает у вас эти восторженные похвалы и неистовые клики радости при каждой вашей общественной поправке из кулька в рогожку. Не что иное, как угодливость, заставляет вас целые годы и десятки лет сидеть сложа руки и грустным взором смотреть на зло и неправду в обществе. Может быть, вы при этом и не стремитесь упрочить себе состояние, как советует г. Дымман; но, во всяком случае, вы любите мир, тишину и комфорт... Добро и правда существуют у вас только в умозрении, да и то где-то далеко на втором плане... Вы можете смело идти рука об руку с г. Дымманом... Сделайте над собой маленькое усилие и признайтесь, что в «Науке жизни» возведен в систему только ваш постоянный образ действий.

Но вам все еще совестно признаться в этом? Вам хочется оправдать свой образ дей-

ствий общею человеческой слабостью, и вы хотите поставить между собой и г. Дымманом то различие, что он одобряет *искательство*, *угождение* и ложь всякого рода для житейской выгоды, а вы гнушаетесь ими и только по слабости и вследствие крайней нужды впадаете в них сами по временам. Но ежели так, ежели вы в самом деле гнушаетесь тем поведением, которое считает похвальным г. Дымман, то ваш долг, как честного человека, не потакать себе, а принять совершенно противоположный образ действий. Пока вы будете с обществом связаны теми же отношениями и интересами, как теперь, до тех пор вам невозможно приобрести полного простора для ваших честных, правдивых стремлений; вы необходимо должны будете продолжать свои уступки в пользу существующего и укоренившегося зла. Значит, первым признаком того, что вы действительно гнушаетесь сделками, предлагаемыми в «Науке жизни», должна служить опять-таки ваша решимость – предпринять коренное изменение ложных общественных отношений, господствующих над нами и стесняющих нашу дея-

тельность. И не нужно пугаться того, будто вы одни должны будете бороться с неправдою целого мира. Такого геройства вовсе не требуется. Правда, свет и счастье нужны всем; всякий к ним стремится, и всякий остается без удовлетворения в современном обществе. Вследствие этого всякий чувствует недовольство окружающею его обстановкою, и всякий рад был бы от нее избавиться. Разумеется, каждый отдельно боится приниматься за большое дело; но потому-то и надо стараться, чтобы это дело из сознания частных лиц все более и более переходило в общее сознание. Этой цели могут способствовать и творения, подобные книге г. Ефима Дыммана: серьезно и добродушно, в систематическом порядке, с убеждением и даже пафосом, излагают они кодекс отвратительной морали, при которой одной только и возможен житейский успех в современном обществе. Все пользуются более или менее этой моралью, но никто не хочет возводить ее в правило, обязательное для себя. Прочитав книжку г. Дыммана, всякий, у кого сохранился в натуре остаток честности, должен прийти в состояние человека, кото-

рый долгое время по слабости характера позволял марать себе лицо жженой пробкой, поить себя уксусом вместо вина и всячески над собою издеваться известному богачу и который вдруг прочитал о себе бумагу, что он находится в кабале у этого богача и необходимо должен выносить от него всякие оскорбления. Естественно, что первая мысль, первое движение несчастного, при всей слабости его характера, будет – употребить отчаянное усилие, чтобы избавиться от этой кабалы. Таково же должно быть и впечатление *откровений* г. Дыммана на всякого человека, который в душе предпочитает правду лжи, свет – мраку и общее счастье – страданиям огромного большинства, претерпеваемым в угоду немногих тунеядцев. И вот почему мы так долго оставались на разборе этой книги. Мы сочли небесполезным для людей, слишком заботящихся о сохранении нынешнего status quo, представить беспристрастное, систематическое изложение их нравственности, почерпнутое из книги опытного старца, Ефима Дыммана. Пусть полюбуются на себя и пусть знают, что истинное достоинство их поступ-

ков не укрывается от людей, вступающих в жизнь с энергическими надеждами и желающих серьезного, истинно честного дела...

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 6, отд. III, с. 289–306, за подписью «-бов».

4 июня 1859 г. Добролюбов сообщил И. И. Бордюгову, что написал «статеечку об одной глупейшей книге «Наука жизни», посвященной наследнику российского престола...» (IX, 361). «Глупейшую книгу», по мысли Добролюбова, следовало подвергнуть дотошному разбору, потому что она наивно-прямолинейно выражала господствовавшую в обществе «благонамеренную» мораль. Критик использует излюбленный полемический прием: в его иронической подаче житейская мудрость «искательства и угождения» открывает свое истинное лицо. Книжка Ефима Дыммана, сотрудника «Петербургских полицейских ведомостей», для Добролюбова превосходный «саморазоблачительный» сатирический материал.

Добролюбов превратил рецензию в пропо-

ведь революционной нравственности. Он уточняет в ней основное положение революционной морали шестидесятников, получившей позднее название «теории разумного эгоизма»: «Почувствуйте только как следует права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самым неприметным и естественным образом придете к кровной вражде с общественной неправдой...»

В общей постановке и в ряде конкретных деталей статья Добролюбова – своеобразное продолжение некоторых мотивов лирики Некрасова, в частности стихотворения «Поэт и гражданин» (1856). В свою очередь, статья Добролюбова, очевидно, оказала воздействие на дальнейшую разработку Некрасовым темы «приспособления к обстоятельствам» в знаменитой «Песне Еремушке» (*Совр.*, 1859, № 9).

Комментарии

В том же шестом номере «Современника» напечатана рецензия Добролюбова на книгу Н. А. Миллера-Красовского «Основные законы воспитания» (СПб., 1859). См. наст. т.

[^^^]

2

Цитаты из указанной выше книги Миллера-Красовского (с. 55, 45).

[^^^]

3

«Сорок лет пьяной жизни, или Следствие пьянства и трезвости» (1851) – анонимная лубочная повесть.

[^^^]

4

Из стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин» (1856).

[^^^]